18+

ДМИТРИЙ КРЕЩЕНЫЙ

Мои рассказы 2

Дмитрий Крещеный
Мои рассказы — 2

https://litres.ru/74757098
ISBN 9785007149501

Аннотация

«Мои рассказы — 2» — дополненное и глубоко переосмысленное издание книги «Мои рассказы». В книгу вошли как полюбившиеся сюжеты, так и совершенно новые истории. В основе каждой из них лежат подлинные события из жизни автора. Перед читателем оживают реальные люди, когда-то окружавшие писателя, и тонко воссозданная атмосфера прошлых лет. Это искренний, интригующий и местами кинематографичный диалог о памяти, судьбоносных встречах и зыбкой грани между правдой и вымыслом

Содержание

Рассказ 1. В кого еще как не в Сергея 6
Глава 1. Свидание с роком 7
Глава 2. Взрослый билет 8
Глава 3. Импортный доспех и ледяное бесстрашие 10
Глава 4. Валюта уличного детства: фотоплёнка и серый жгут 13
Глава 5. Два билета на «очко»: братский кон на честность 15
Глава 6. Блинный навигатор и растопленное масло 17
Глава 7. Война через забор и одесская дипломатия 19
Глава 8. Взрослое слово «расход» 21
Глава 9. Книжная вселенная на четвереньках 23
Глава 10. Чердаки, воробьиный шашлык и споры до хрипоты 25
Глава 11. Горьковская ссылка, костыли и жена академика 27
Глава 12. Путь воина: последний диагноз 29
РАССКАЗ 2. Очередь к Марии Николаевне 31
Глава 1. Фактор силы 32
Глава 2. Хроника присутствующих 34

Глава 3. Явление Чужака 36
Глава 4. Видение рока 39
Глава 5. Колебания весов 41
Глава 6. Зелёный огонёк надежды 44
Глава 7. Обретение движения 45
Глава 8. Явление Судьбы 47
Глава 9. Капитуляция махины 49
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Мои рассказы — 2

Дмитрий Крещеный

© Дмитрий Крещеный, 2026

ISBN 978-5-0071-4950-1 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-4952-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ 1. В кого еще как не в Сергея

Сей труд не имеет земного адреса, как нет ныне и могилы у старшего брата моего, Сергея. Исполняя его последнюю волю, мы предали прах его ветру. Но пока жива память, человек не уходит в небытие.

Я берегу эти строки для его детей и внуков. Вы знали его обременённым годами, строгим и битым жизнью человеком. Но вы не знали его отроком. Пусть с этих страниц на вас посмотрит истинный Сергей — бунтарь, верный брат, человек ледяного мужества и жадной до книг души, не ведавший страха. В его жилах течёт ваша кровь. Помните его.

Глава 1. Свидание с роком

У Сергея были особые, личные счёты с судьбой. В кругу родных говорили, что ему «чертовски везло» — неизменно в самых горьких, ироничных кавычках. Он служил громоотводом: если в пространстве зарождалась нелепая случайность, она находила именно его.

Один случай стал притчей. Сергей шёл в плотной толпе — не менее тридцати человек спускались по горной тропе. С вершины сорвался одинокий шальной камень. Он летел, прыгая по уступам, мимо тридцати голов. Вероятность удара составляла один к тридцати. Но у рока не возникло сомнений: булыжник влетел точно в моего брата, сломав ему руку.

Когда весть пришла в дом, никто не ахнул. Семья переглянулась с лёгким вздохом, и дед произнёс общую мысль:
— Ну конечно. В кого ещё он мог попасть? Только в Сергея.

Мир постоянно проверял его на излом, подкидывая капканы и летящие камни. Но брат, даже закованный в гипс, смотрел на мир со строгой усмешкой. Он знал: удар выбрал его лишь потому, что остальным на этой тропе не хватило бы духа перенести его так, как перенесёт старший брат.

Глава 2. Взрослый билет

Сергей владел редким даром — он заставлял мир замолчать и слушать. В его спорах воздух густел; он брал такой уверенностью, что зрелые мужики пасовали. В юности он отчаянно стремился выглядеть старше своих лет, и это ему удавалось.

В поезде к бабушке ему едва исполнилось пятнадцать. Едва состав набрал ход, он с непроницаемым видом отправился в вагон-ресторан. Я следовал за ним верной тенью, но остался наблюдать со стороны. Я знал, что брат блефует, но исполнено это было безупречно. По тем временам у него имелось сокровище — записная книжка и солидная ручка, арсенал, редкий даже для взрослых.

Он сидел посреди грохочущего вагона в табачном дыму, под стук подстаканников. Сохраняя каменное лицо человека, искушённого в жизни, Сергей неторопливо вёл беседу и точным жестом заносил в блокнот адреса новых попутчиков. Работяги смотрели на него с уважением.

На нашей станции эти привокзальные приятели вышли на перрон — солидно проводить пятнадцатилетнего пацана. Когда поезд ушёл, я спросил его с улыбкой: — Пойдёшь к ним в гости? Адреса-то записал.

Сергей остановился. Маска взрослого мужчины слетела, в глазах мелькнула трезвая, суровая усмешка: — Да ну… —

коротко бросил он.

Он был слишком умён и не питал иллюзий. На полчаса актёрского таланта хватило с лихвой. Но начни он общаться с этими людьми дольше — его раскусили бы в первые пять минут, и гордый миф разлетелся бы вдребезги. Брат умел рисковать, но умел и вовремя закрывать блокнот.

Глава 3. Импортный доспех и ледяное бесстрашие

В те советские годы улицы жили по суровым, неписаным законам. Чужаков не принимали. Нам с братом, когда мы шли вдвоём, регулярно пыталась предъявить счёт местная дворовая шпана.

Детали тех стычек стёрлись из памяти, но я отчётливо помню главное: нас неизменно спасал внешний вид Сергея. Брат всегда был облачён в дефицитные, фирменные вещи, коих в советские годы было практически не достать. Родители имели возможность приобретать эту одежду, и Сергей носил импортный прикид с царственным достоинством. На фоне тусклых дворов он казался инопланетянином. Подворотня чуяла это и мгновенно понимала: подросток непрост, за его спиной стоит сила.

Однако одежда служила лишь внешней бронёй. Суть крылась внутри. Сергей никогда не искал повода применить кулаки и не лез в драку первым. В нём присутствовало качество, корыстное подворотней ценилось выше умения махать руками, — он не ведал страха. Абсолютно.

Когда кольцо хулиганов сжималось, у любого нормального мальчишки внутри всё каменело. Сергей же лениво щурился. Его жёсткая натура рождала удивительное, ледяное бесстрашие. Он взирал на главарей шайки не как на

угрозу, а как на досадную помеху на своём пути. Прямой, неподвижный взгляд зрелого мужчины в теле подростка действовал на уличную шпану как ушат студёной воды. Они ждали испуга, ждали бегства или оправданий. Сергей стоял, засунув руки в карманы импортной куртки, и молчал с такой силой, что у противника пропадало всякое желание испытывать судьбу.

Но случались дни, когда ледяного взгляда и дорогой брони оказывалось мало. Нахрапистая шпана требовала большего, и тогда брат включал свой главный дар — мгновенный, виртуозный блеф. Он лгал с такой неколебимой уверенностью, что у врагов не возникало и мысли усомниться в его словах.

Один случай произошёл у больших ворот колхозного рынка. Место было шумное, суетное, окружённое людским потоком, а в подворотнях правила местная банда. Очередная компания прижала нас вплотную. Нас двое, их много; развязка близилась. Любой другой отступил бы или судорожно сжал кулаки.

Сергей не повёл и бровью. Он обвёл толпу строгим взором, лениво кивнул в сторону торговых рядов и произнёс веско, без тени заискивания: — Пацаны, хорош. Здесь недалеко мой дед торгует. Если он увидит — ему это сильно не понравится. А когда ему что-то не нравится, мало никому не кажется.

Он сказал это так, словно дед его являлся как минимум

хозяином этого рынка или местным авторитетом, способным одним движением разогнать подворотню. В действительности никакого деда там не было. Но Сергей гениально угадал контекст: колхозный рынок в ту эпоху был обособленным государством, где правили суровые, крепкие мужчины, с которыми уличная шпана связываться панически боялась.

Хулиганы переглянулись. Дорогой прикид брата, его каменное лицо и леденящая уверенность в голосе завершили дело. Они взвесили шансы, попятились и растворились в рыночной толпе. Мы вновь вышли из передряги без единой капли крови — исключительно благодаря способности Сергея держать удар и диктовать миру свои правила.

Глава 4. Валюта уличного детства: фотоплёнка и серый жгут

Было бы ошибкой полагать, будто в советском детстве наивысшую ценность имели знаки государственной казны. Законы улиц утверждали иное мерило. Подлинной, твёрдой валютой тех лет являлся серый резиновый жгут — основа для метательного оружия. Обрести его в пределах легальной торговли не представлялось возможным. Пути, коими дворовые отроки добывали это сокровище, оставались сокрытыми от взрослых. Однако обладатель заветного метра тугой резины неизменно наследовал негласный престол своего двора. И у старшего брата моего, Сергея, зрел точный план обретения этой силы.

Вторым по значимости достоянием считалась отработанная фотоплёнка, ценимая отнюдь не за запечатлённые на ней кадры. Химический состав основы тех времён обладал горючим свойством порохового снаряда. Плёнка служила материалом для создания дымовых снарядов: плотно свёрнутая в бумажную оболочку лента при поджоге устремлялась вперёд с резким шипением, оставляя за собой густой сизый шлейф. Для уличных подростков это зрелище превосходило любой казённый салют.

Мне довелось созерцать сцену уличного обмена. Сергей стоял посреди двора перед лицом местной компании. На ко-

ну покоился заветный жгут. Брат, сохраняя строгий вид искушённого в торговых делах мужа, вёл переговоры. — Взгляни на эту ленту, — веско произнёс он, демонстрируя тёмный узор плёнки. — Снаряды из неё летят с великим свистом, дым покроет весь квартал. Отдавай жгут.

Торг шёл яростный. Измерительные приборы на улице отсутствовали, и длину жгута определяли извечным дворовым способом: продавец брал резину за край и широко, во весь размах вытягивал руки в стороны, обозначая мнимый метр. Сергей внимательно, чуть прищурившись, следил за руками: рок не прощал уступки даже в несколько сантиметров.

В тот день сделка состоялась. Сергей выменял драгоценный жгут, послуживший основой для моего первого оружия. Он не просто обучил меня искусству меткого выстрела — он явил мне устройство этого обособленного мира, где всякую ценность, от тёмной ленты до личного достоинства, надлежит уметь правильно преподнести и отстоять.

Глава 5. Два билета на «очко»: братский кон на честность

Вслед за уличными баталиями и торговыми сделками неизменно следовало перемирие. С наступлением вечерних сумерек мы уединялись в тихом углу веранды, где Сергей извлекал потёртую колоду карт. Он приобщил меня к главным уличным играм — «Дураку» и «Очку». За пределами дома об этих забавах ходили дурные слухи: подворотня училась жульничеству и скрытному извлечению козырей. Но наш кон подчинялся иным правилам. Мы играли абсолютно честно.

Сергей никогда не опускался до обмана младшего брата. За картами он восседал с прежним неподвижным лицом, внимательно изучая масти червей и пик. Разумеется, победа оставалась за ним значительно чаще. Но в том не было обиды: сказывались два года превосходства в возрасте, хладнокровие, способность удерживать в памяти вышедшие из игры карты и искусство блефа. По его каменному лицу невозможно было предугадать, держит ли он в руке девятку или чистый туз.

Главное же заключалось в том, что игра никогда не велась ради материальной корысти или низкого интереса. Мы относились к картам как к пространству уединения. То был наш способ побыть вдвоём, отсекая шум внешнего мира. Под неторопливый стук колоды о деревянный стол Сергей делил-

ся зрелыми мыслями, а я, внимая бесстрашному старшему брату, ощущал абсолютную защищённость. Он мог обучить меня уличным уловкам, но в стенах дома неизменно оставался настоящим, честным братом.

Глава 6. Блинный навигатор и растопленное масло

Каждое лето нас, городских отроков, отправляли на вольные хлеба в деревню. Обители наших бабушек, приходившихся друг другу двоюродными сёстрами, стояли по соседству. На этих привольных просторах у Сергея обнаружился феноменальный, необъяснимый дар — его внутреннее существо обладало безошибочным чутьём на исходившую от домашнего очага пищу.

Моя бабушка часто готовила на открытой летней кухне. Стоило ей замесить тесто и начать выпекать пышные деревенские блины, как вершилось истинное чудо. Средств связи в ту пору неличествовало, брата никто не звал, и он мог находиться на противоположном конце селения. Однако в миг, когда первый горячий блин опускался на блюдо, Сергей неизменно материализовался у калитки, словно возникнув из самого воздуха.

Бабушка всплескивала руками, расплывалась в тёплой улыбке и призывала его к трапезе: — О, Серёжа пришёл! Садись к столу, отведай блинков с пылу с жару.

В этом проявлялось различие наших натур. К пище Сергей относился со всем размахом своей безудержной сути. Он брал огненный блин, придвигал сосуд с куском домашнего сливочного масла и со всей силой, истово втирал его в пори-

стую плоть, покуда блин не становился золотым и прозрачным от влаги. Он поглощал это яство с великим, безраздельным удовольствием, покуда стол полностью не опустевал.

Глава 7. Война через забор и одесская дипломатия

Деревенское лето не мыслилось без яростных проказ. Вооружившись рогатками, для коих Сергей столь искусно выменял резиновые жгуты, мы устраивали настоящие батальные сцены. Главным нашим противником выступали соседские подростки. Заняв глухую оборону в огороде, мы вели непрерывный обстрел плодами неспелой ранетки и мелким гравием прямо через забор. Воздух полнился криками, трещали ломаемые ветви малины, пыль стояла столбом. Когда натиск осаждающих достигал предела, на поле брани являлась тяжёлая артиллерия нашего рода.

Из дома выходил дед Сергея — человек уникальной судьбы, коренной одессит. В его краях грубая брань никогда не имела веса; там безраздельно правила иная, утончённая речь. Вместо яростного крика дед приближался к изгороди, закладывал руки за спину и являл противнику своё неподражаемое красноречие.

Он не опускался до матерного слова. Но он владел искусством говорить так, что любая, даже самая отчаянная уличная банда мгновенно затихала. Дед изрекал столь иронические, хлёсткие и образные суждения, подмечая ничтожные слабости в поведении нападавших, что шпана сперва каменела от изумления, затем принималась испуганно перегля-

дываться, а по истечении минуты полностью утрачивала волю к сопротивлению. Он рассеивал целое воинство хулиганов парой спокойных, ювелирно точных фраз.

Сергей застывал подле него с оружием в руках, внимая каждому слову. Именно в те минуты он впитывал великую родовую науку: не ведать страха перед лицом превосходящих сил, взирать на врага свысока и побеждать твёрдым словом там, где прочие поспешно пускают в ход кулаки.

Глава 8. Взрослое слово «расход»

Деревенская жизнь, явленная городскому отроку, полнилась солнцем и абсолютной свободой. Однако она неизменно имела и иную, сокрытую от детских глаз сторону — суровую, будничную и по-крестьянски жестокую.

Окрестные земли кишели кошачьим племенем. Но то не были ленивые, кроткие домашние питомцы, ведомые нам по городскому быту. Нет, огородные пределы населяли истинные дикие хищники — хитрые, сильные, повадками подобные лисицам. Они вели непрестанную охоту на птичий молодняк, нанося крестьянскому хозяйству жестокий урон. Борьба шла на истребление, и взрослые, защищая подворья, расставляли по периметру садов стальные капканы.

Моё деревенское утро нередко знаменовалось одним и тем же жутким звуком. Из глухих зарослей малинника доносился пронзительный, полный смертной муки вопль — знак того, что очередной хвостатый разбойник угодил в железные челюсти. В такие минуты сердце моё сжималось от жалости; я каменел, не ведая, куда деться от этого ужаса.

Но в тот же миг неодолимым щитом передо мной возникал Сергей. Он опускал тяжёлую руку мне на плечо и произносил совершенно спокойно, с непреклонной зрелостью в голосе: — Не ходи туда. Сиди здесь. Дед уже пошёл…

О дальнейшей участи пленных хищников я в ту пору, ра-

зумеется, не знал. Меня поспешно уводили прочь, и лишь однажды брат коротко, глухо обронил странную фразу: «Ну всё, кота в расход». Мой младенческий ум тогда не постиг значения этого сурового слова. Оно прозвучало как некий технический, отрешённый термин. Лишь по прошествии многих лет, обретя зрелость, я осознал всю тяжесть этого понятия и то, от какого знания меня тогда берегли.

Мой старший брат, сам будучи лишь подростком, вместе с дедом-одесситом заслоняли меня от мрачной изнанки бытия. Сергей принимал весь этот жестокий, неприятный опыт на свои плечи, дабы я мог дольше оставаться ребёнком, безмятежно мазать блин маслом и верить в милосердие мира. В этом негромком, беспощадном слове «расход» крылась его наивысшая, истинно братская защита.

Глава 9. Книжная вселенная на четвереньках

Когда я ныне в шутку утверждаю, будто старший брат обучил меня исключительно уличным ремёслам — рогаткам, картам да крепкому слову, — я лукавлю. Ибо именно Сергей заложил то незыблемое основание, что определило весь мой дальнейший земной путь. Он приобщил меня к чтению настоящих, монументальных и умных книг.

Сергей читал фанатично. Он предавался этому занятию непрестанно — каждую свободную минуту, невзирая на смену дня и ночи. Родители как могли боролись с этой безудержной страстью: взыскивали, отбирали фолианты, гасили свет, сокрушаясь, что отрок напрочь погубит зрение. Но Сергея невозможно было сокрушить. Когда чертоги дома погружались во тьму, в ход шёл потайной фонарь. Обыкновенно я заставал его в немыслимой позе: он застывал на четвереньках прямо над распахнутым томом на полу и жадно, строка за строкой, поглощал текст. Примечательно, что родительские страхи оказались тщетны — до самой старости брат сохранил идеальное зрение, не ведал очков и читал до последних своих дней.

Благодаря его воле я, будучи школьником, освоил вещи, до коих мои ровесники дозрели ещё очень не скоро. Он подсовывал мне тонкую, искромётную классику «12 стульев»

Ильфа и Петрова, огромную, пахнущую пороховой гарью и морской солью историческую драму «Цусима». И, что наиболее поразительно при его взрывном характере, — многотомное наследие Макаренко со всеми его сложнейшими педагогическими трудами.

Теперь, по прошествии лет, мне ведомо, почему подростка Сергея столь неодолимо тянуло к трудам Макаренко. Брат, с его сложной, бунтарской и жёсткой натурой, интуитивно обретал на этих страницах отражение собственной сути. Он читал про таких же отчаянных, бесстрашных и колючих подростков, коих жизнь испытывала на излом, и созерцал, как из этого пламени выковывается железная личность. Он рос бунтарем для внешних улиц, но внутри него пребывала огромная, жадная до знания душа. И то, что он разделял это достояние со мной, открывая младшему брату мир мудрых книг, явилось его лучшим, самым верным воспитанием.

Глава 10. Чердаки, воробьиный шашлык и споры до хрипоты

Было бы ложью утверждать, будто мы с Сергеем являли собой образцовых, приторных братьев из назидательных советских писаний. Наш быт не был безмятежным уединением. Мы обладали колючими, непримиримыми характерами, и в столкновениях наших летели искры. Однако именно он раз за разом выталкивал моё естество за пределы младенческих страхов и нерешительности.

Я рос осторожным, и на многие дворовые авантюры у меня недоставало духа. Годами я не решался переступить порог тёмных, заброшенных чердаков. Но являлся Сергей, уверенно брал меня за руку, и страх рассеивался в одно мгновение. Он обучил меня искусству сооружения силков для птиц, и однажды в наши сети угодили воробьи. Брат немедленно загорелся идеей устроить первобытный пир — зажарить добычу на открытом огне. То кулинарное изыскание не доставило мне отрады, но сам дух дикого, сурового приключения захватывал безраздельно.

В натуре Сергея с ранних лет сквозила жёсткость, порой граничившая с беспощадностью к внешнему миру — проявление его резкого, непреклонного характера. Но в этом существовал один нерушимый, святой для него предел: по отношению ко мне сия жестокость не проявилась ни единым

жестом. За всю земную жизнь он ни разу не поднял на меня руку, не унизил и не обратил свой гнев в мою сторону. Для внешнего мира он оставался колючим ежом и опасным противником, но для меня — старшим братом.

А споры наши длились до самого его угасания. То была незыблемая черта нашего рода. Память хранит предпоследнюю нашу встречу, когда мы оба предстали уже пожилыми, искушёнными в жизненных битвах мужами. Зацепившись за ничтожный повод, мы вступили в прение с таким жаром, напором и хрипотой, что воздух в чертоге густел. Брат стоял насмерть, я не уступал. Наутро я пробудился в лёгком замешательстве, гадая: была то смертная поруха или лишь обыкновенный наш разговор? Но всё разрешилось благополучно. Мы могли кричать в запале, не соглашаясь ни в чём, но сокрушить невидимую братскую нить, протянутую через десятилетия, не мог ни один, даже самый яростный раздор.

Глава 11. Горьковская ссылка, костыли и жена академика

Жизнь продолжала испытывать крепость Сергея и в пору его зрелости. В те годы он обрёл обитель в закрытом тогда городе Горьком. И рок, верный своему закону — разить именно его, — нанёс новый, тяжелейший удар: брата настиг инсульт.

Лет ему было немного, тело его подкосилось, однако сломить дух недугу оказалось не под силу. Зная суровую натуру Сергея, никто в роду не сомневался, что он превозможет болезнь. Наперекор медицинским прогнозам он поднялся на ноги. Отныне он передвигался с великим трудом, хромая и опираясь на деревянные костыли. Но даже на этих подпорках он шествовал с неизменным, гордым и независимым видом человека, не сломленного судьбой.

В те же годы в Горьком отбывал всемирно известную политическую ссылку академик Андрей Сахаров. Подле него находилась и супруга его, правозащитница Елена Боннэр — женщина невероятно жёсткого, прямого и волевого характера.

Однажды Сергей упрямо шёл по горьковской улице, тяжело переставляя костыли. Повсюду двигались людские потоки, но намётанный, чуткий к чужой внутренней силе взор Елены Боннэр из сотен прохожих выхватил именно его. Бы-

ло в его фигуре, в том, как он нёс своё увечье, особое, царственное достоинство.

Экипаж резко остановился. Елена Боннэр опустила стекло и предложила незнакомому гордому хромому подвезти его до дома. Сергей принял это предложение. К великому сожалению, время стёрло из памяти темы их беседы в пути. О чём говорили на окраине Горького бунтарь из советского детства и великая женщина-диссидент — останется тайной.

Но сам факт этой встречи весом. До последних дней к Сергею притягивались не только шальные камни с вершин, но и монументальные исторические личности. Его внутренняя опора, ледяное бесстрашие и глубокий взор, некогда завораживавший попутчиков в вагоне-ресторане, горели в нём до самого финала. И даже судьба в лице Елены Боннэр склонила пред ним голову, дабы подставить плечо мужу, который никогда ни у кого ничего не просил.

Глава 12. Путь воина: последний диагноз

И всё же самый тяжёлый, финальный бой ждал его впереди. Совершенно внезапно для всех у Сергея обнаружили рак — сразу в последней, неизлечимой стадии.

Для меня это стало сокрушительным ударом. Быть человеком, чьё призвание — спасать других, знать законы естества до мельчайших нюансов и не суметь разглядеть первые вехи болезни у собственного брата… Ныне, перебирая в памяти последние наши встречи, я ежеминутно возвращаюсь назад, без конца вопрошая: почему я тогда не обратил внимания, почему не забил тревогу? Наверное, я просто привык считать его бессмертным громоотводом, коего не способна сокрушить ни одна земная беда. Этот груз вины теперь навсегда останется со мной.

Мы обитали далеко друг от друга, разделённые сотнями километров. За месяц до своего ухода Сергей позвонил мне. Голос его в трубке звучал ровно, без тени страха или дрожи. Он произнёс фразу, от которой у меня перехватило дыхание:
— Я звоню попрощаться.

Я, повидавший на своём веку многое, в ту секунду совершенно растерялся. Земля ушла из-под ног. Не ведая, что сказать родному человеку, я лишь тихо, беспомощно выдавил:
— Серёж… ну, может, поживёшь ещё?

Он ответил коротко, как отсек клином: — Нет. Это не жизнь.

Больше я его живым не видел. Но примечательно, что Сергей и перед лицом небытия остался абсолютно верен своей непреклонной, упрямой и заботливой натуре. В своём завещании он твёрдо распорядился: только кремация. В этом решении крылся его особый, суровый смысл — он чертовски не желал, чтобы смертный недуг из его могилы мог как-то осквернить землю или принести вред живым. До самого последнего вздоха, уходя во тьму, он пытался контролировать и защищать мир вокруг — точно так же, как заслонял меня в детстве от уличной шпаны.

Его больше нет среди нас. Но его отчаянная смелость, его записная книжка в пятнадцать лет, его масляные блины, его истовое чтение Макаренко на четвереньках и этот последний, леденящий душу звонок теперь навсегда внесены в мою память и на эти страницы. Он завершил свой путь как настоящий, сложный, колючий, но невероятно сильный воин. Мой старший брат Сергей.

РАССКАЗ 2. Очередь к Марии Николаевне

Вечер. Чертог здравия в благополучном квартале. Почти все целители разошлись, и лишь из единого окна изливается свет — там ведёт приём Мария Николаевна. Подле двери застыл живой поток: старец со стержнем в руках, дева с цифровым древом, изнурённая мать с младенцем. Все они пребывают в недеянии, невзирая на бремя земных дел и чугунные гири у ног. Это хроника о великом ожидании, коем, возможно, и исчерпывается земное бытие.

Глава 1. Фактор силы

Цифровое распределение сроков — замысел благородный. Однако здешняя обитель покоится в месте, где всякое умозрительное предначертание обращается в прах, подобно волне о прибрежный камень. Квартал ухожен, приближен к средоточию: невысокие кровы, аккуратные стези, трава подстрижена с геометрической точностью. Колесниц почти не видно. Безмолвие столь глубоко, что отчётливо слышен мерный стук настенных часов в дальнем конце галереи. В этом затишье пребываем мы — живая очередь. Ибо если ты не зафиксировал собственное присутствие на деревянной опоре, ты — ничто. Талон есть пустая хартия. Стул же — осязаемый, неоспоримый фактор силы.

Вечерний час. Залы опустели, свет теплится в единственном кабинете. Мы покорно ожидаем исхода. Ропота нет — исход был ведом изначально. По линолеуму шествует служительница чистоты — малорослая, круглая лицом. В руках её сосуд с водой и орудие труда. Лик её озарён улыбкой, словно она очищает не монастырь скорби, а прибрежный песок южного края. В этом созерцании рождается лёгкая зависть: пред нами единственный человек, не ведающий страдания. Она проходит мимо, совершает омовение пола, и на миг пространство кажется неискажённым. Но стоит ей скрыться за поворотом, как морок рассеивается — всё возвращается на

круги своя.

Глава 2. Хроника присутствующих

Напротив застыл старец — иссушённый временем, тонкий, как осенний лист. Оптические стёкла его столь массивны, что взоры кажутся огромными неподвижными чашами. Он устремил взгляд в единую точку на стене, словно намереваясь прожечь её насквозь. Редкая седина прядей топорщится в разные стороны, знаменуя пренебрежение к суетному убранству. Костлявые длани сжимают верный посох. Он восседает прямо, подобно владыке на троне, пусть трон этот есть лишь обветшалое казённое седалище ушедшей эпохи. Облик его свидетельствует о многочасовом бдении: кажется, он пребывает здесь с рассвета, трижды покидал обитель ради трапезы, но неизменно возвращался, влекомый знанием: «Срок близок». Я разделяю его думу. Очередь в этих стенах есть предначертание рока.

Подле него устроилась дева. Благообразная, облачённая в дорогие ткани. Она держит спину ровно, словно приняв внутрь стальной стержень. В руках её — цифровой терминал, чело слегка склонено. Вероятно, она изучает свитки вестей или сетует близким на несовершенство окружения. Взоров по сторонам она не бросает; ментально она пребывает в ином, лучшем мире, далёком от казённых стен и небритых старцев. Осанка её безупречна: если приложить к позвоночнику измерительную рейку — зазора не обнаружится. Вы-

держка.

Рядом — мать с дитятей. Отрок лет четырёх не способен оставаться в покое ни единой секунды. Он подобен заведённому механизму: устремляется то к вратам, то к проёму окна, то силится отворить хранилище медицинских хартий. Мать не препятствует его движениям, отрешённо взирая на каменный пол, будто подле неё пребывает случайный путник. Но нет, то её кровь. Изнурение её достигло предела, чувства атрофировались. Её цель — предстать пред целителем, а в какой час, пред полуночью ли — безразлично. Терпение её безгранично. Взирая на неё, я постигаю: сия женщина несёт на плечах весь свой удел — дом, труды и спутника жизни, пребывающего в вечном поиске призрачных целей. Она тянет этот воз, ибо более некому. Пока теплится здравие — надлежит успеть. Пока остаются силы.

Глава 3. Явление Чужака

В сию благородную, застоявшуюся тишину ворвался Посторонний.

Врата галереи распахнулись, и он вошёл. Присутствие чуждого элемента обозначилось сразу, ещё до первого испущенного им звука — по ломаному шагу, искажённому лику, по тому, как он судорожно сверял время по настенным стрелкам. То был взор человека, осознавшего, что его поезд ушёл, но упрямо бегущего по перрону с неподъёмным бременем. Он спешил так, словно в недрах одеяния его таился взведённый снаряд. Облик новоприбывшего не предвещал покоя; он знаменовал неизбежное действо. Я зафиксировал своё положение на опоре, готовясь созерцать исход. Внутреннее чутьё подсказывало: близится столкновение.

Старец прекратил созерцание стены и медленно, подобно стреле подъемного механизма, развернул главу. Дева оторвала взор от терминала на краткий миг, оценила расстановку сил и вновь погрузилась в свитки, лишь спина её обрела ещё большую непреклонность. Мать не шевельнулась. Служительница чистоты замерла со своим орудием, точно регулировщик пред лицом урагана.

Чужак приблизился к створу, дёрнул рукоять. Заперто. Он изучил начертание номера, имя Марии Николаевны и обратил взор на присутствующих. Поток наш дружно принял вид

небытия, словно мы являлись лишь частью казённого убранства.

— Кто замыкает шествие? — вопросил он. Голос его звучал громко, прерывисто — так вопрошает муж, усомнившийся в верности своего пути.

Мы хранили безмолвие. Старец, как обладатель наивысшего авторитета, соизволил изречь: — Я крайний. А вы, молодой человек, наделены ли правом срока? — Наделен! На девятнадцатый час! — он наставил экран терминала, точно оружие. — Ныне же время близится к полуночи!

Старец медленно, с достоинством кивнул: — Это благо. Значит, ваш черёд за моим. — Что означает «за вашим»? — у пришельца дрогнул лик. — Отчего длится сие промедление? Она пребывает там в одиночестве? — В одиночестве, — отрешённо отозвался старец. — Она неизменно одна. Ибо не ведает спешки, внимая людским судьбам. Вы же, я зрю, лишены здравия. Присядьте, обретите покой.

В сознании мужа нечто преломилось. Он не постигал здешних канонов, будучи выходцем из иного мира — пространства, где хартия является законом, а целитель — бездушной функцией. Здесь же правил негласный орден, и новоприбывший, сам того не ведая, ступил под своды храма, где истово молились терпению. — Я не намерен покоиться! — взорвался он. — Мой временной ресурс исчерпан! Мне надлежало пребывать в своём крове час назад, у меня дела! Дева, не поднимая чела, тихо обронила: — У всех дела.

То прозвучало столь хладнокровно и обречённо, что воздух в галерее потяжелел. Чужак застыл. Он воззрел на неё, на старца, на измождённую мать и на служительницу чистоты, принявшуюся омывать единую плиту с удвоенным рвением, дабы не упустить ни единого слова. — Вы издеваетесь? — он почти рассмеялся. — Вы восседаете здесь и ожидаете, подобно… — Подобно страждущим, — изрёк я. — Обыкновенные страждущие.

Он уставился на меня как на безумца, затем вновь обратил взор на врата, на стрелки часов, на притихших людей. Я приготовился внимать долгому, яростному монологу о несовершенстве ведомств, налогах и дефиците времени.

Однако Чужак не издал крика. Он резко развернулся и покинул сектор — в поисках управителей или призрачной справедливости. Мы созерцали его уход. За поворотом галереи ещё доносился его громовой голос и удары длани по столу, но вскоре и эти звуки поглотила пустота. Старец вздохнул, дева вернулась к терминалу, мать застыла, служительница продолжила возить влажной тканью. Воцарилось безмолвие, нарушаемое лишь мерным ходом часов.

Глава 4. Видение рока

Я остался наедине со своими думами. Что, если бег его продиктован веской причиной? Что, если он сам несёт в себе смертный недуг, удерживая остатки сил, а здесь — лишь глухая стена, вежливые лики и тишина? Я воззрел на пустой проём ворот и отчётливо представил: внутреннее давление мужа стремительно ползёт вверх, лик багровеет, чело покрывается липким потом. Он судорожно хватает ртом воздух, силится изречь слово, но издает лишь хрип. Хватается за грудь и медленно оседает на холодные плиты. Прямо здесь, пред нашими взорами.

И наступает абсолютное безмолвие. Такое, что слышен ход карманных часов в чьих-то недрах. И это уже не действо, это — дыхание рока. Падать на мрамор казённого чертога — не то же самое, что валиться на мягкие травы усадьбы. Здесь основание твёрдое, студёное, дорогое. Покоиться на нём неудобно и противоестественно.

Самое паршивое — никто из нас не ринется на спасение мгновенно. Сперва повиснет зловещая пауза. Мы будем просто созерцать: старец развернёт главу, дева приподмет бровь, служительница замрёт. И лишь по прошествии времени кто-то отрешённо произнесёт: «Призовите неотложную помощь». Начнётся суета.

Но спасители движутся долго, невзирая на то, что это ле-

чебная обитель. Пока повозка проберётся по тихим стезям центра, пока отыщет верный вход и поднимется на ярус — драгоценное время утечёт в небытие. Сбегутся растерянные управители, ведающая сектором вылетит из чертога с разрывающимися аппаратами связи в руках. Мы будем стоять и взирать. И кто-то обязательно извлечёт свой терминал — не ради спасения ближнего, а дабы запечатлеть финал. Ибо все объяты скукой, все жаждут события. И вот в сети уже крутится свиток: «Человек угас в очереди», собирая отклики, одобрения и цифровой кошмар.

Я содрогнулся от собственного видения. Пусть этот Посторонний там, за поворотом, просто пьёт воду из источника. Пусть характер его неизменно пребудет дёрганым и нелепым. Ибо третьей части сего балета моё внутреннее сознание точно не выдержит.

Глава 5. Колебания весов

Покуда в сознании моём прокручивались возможные исходы, из чертога управительницы явилась посланница администрации. Лик её покрывали неровные багровые пятна, знаменуя тяжесть выслушанных за закрытыми вратами речей. По затравленному взору её было очевидно: дева не ведает, какое слово изречь.

Она приблизилась к створу Марии Николаевны, совершила робкое, неуверенное омовение двери стуком — дважды. Заслон приоткрылся, исторгнув строгий глас: — Я занята.

Посланница торопливо зашептала, целительница ответила кратко. Секунда промедления — и врата сомкнулись вновь. Вестница застыла в галерее, обернув лик к нашему потоку. Мы взирали в упор. Было ведомо, как в разуме её колеблются огромные, амбарные весы с чугунными гирями по пуду на каждой чаше. На одной покоилась Мария Николаевна — незаменимый, искушённый мастер своего ремесла, раздор с коим сулил личную пагубу в грядущем. На другой чаше застыли мы — живая очередь, безмолвная, но монолитная. Испытывать наше терпение администрации также было боязно: мы не просто занимали места, мы физически срослись с казёнными опорами. Тронь нас — и рок обернулся бы непредсказуемым исходом: быть может, старец сокрушил бы плиты пола своим посохом, дева испепелила бы

управительницу взором, или изнурённая мать испустила бы вздох, от коего в чертоге погас бы свет.

Посланница сделала шаг в нашу сторону, испуганно покосилась на закрытый створ и изрекла: — Прошу, не являйте беспокойства. Мария Николаевна вскоре завершит приём. Всё под контролем.

Поток наш хранил безмолвие. Старец не поднял главы, дева упрямо созерцала терминал, мать лениво коснулась вихра отрока. Служительница чистоты вновь принялась возить шваброй, но движения её утратили мерность, сбиваясь с ритма. — Всё под контролем, — едва слышно повторила вестница и поспешно скрылась в проёме лестницы.

Чаша весов склонилась в сторону её собственного страха. Она не разрешила спора, не примирила стороны, но осталась чиста пред писаными инструкциями. Мы пребывали в недеянии дальше. Квартал наш интеллигентен — здесь не знают крика, здесь владеют искусством многочасового бдения. Даже управители здесь не исполнены злобы, а лишь запуганы — как и всё окружение.

Посторонний не возвращался. Представлялось, как он мечется по дальним переходам обители, вдыхает дым на крыльце или раздражённо взывает к близким через аппарат связи. А быть может, презрев регламенты, он покинул сей предел. Хотелось верить, что сердце его выдержит натиск — просто иссякли силы, не совпали векторы. Муж сей не постиг, что под своды Марии Николаевны шествуют не за скоростью, а

за совестью.

Глава 6. Зелёный огонёк надежды

И в этот миг, вопреки ожиданиям, красный фонарь над вратами терапевта угас. Вспыхнул зелёный огонёк, покоившийся подле. То был светофор, но вместо оживлённого пути пред ним расстилалась казённая галерея, а вместо колесниц застыли мы. Весь поток разом поднял главы — старец прекратил буравить стену, мать встрепенулась, служительница оставила мнимый труд. Посторонний, если он ещё пребывал в этих пределах, уплатил бы слезой за сие мгновение.

Заслон приоткрылся, и на пороге показался предшествующий страждущий — медленный, осторожный, с зажатой в пальцах рукописной хартией. Лик его был задумчив — не обретший радости, но и не познавший скорби, скорее умиротворённый. Он окинул нас взором, кивнул, точно давним спутникам, и направился к выходу. Мы же остались сидеть, заворожённо взирая на изумрудный луч, как на единственное знамение надежды посреди вечности. — Следующий, — негромко донеслось из глубины чертога. Глас был изнурён, но твёрд.

Глава 7. Обретение движения

И в тот миг началось подлинное движение. Старец зашевелился первым — не поднялся на ноги, но медленно развернул главу к деве, знаменуя уступку: я не ведаю спешки, мой удел претерпит ожидание. Та едва заметно склонила чело, переведя взор на изможднную мать, а роженица обратила взор на меня. Я же отверг сие приношение движением головы: нет, мой срок не следовал за её черёдом. Служительница чистоты замерла у каменной тверди, подобно секунданту на поле смертной брани. Весь поток наш застыл, выжидая, кто первый решится нарушить сие недеяние.

Изумрудный луч изливался из диода. Мы созерцали его сияние, и казалось, будто в галерее стало немного светлее. Была то иллюзия угасающих казённых ламп или пробудилась глухая человеческая надежда — неведомо. Всякий раз, когда над створом загорается сей спасительный сектор, сердце неизменно содрогается от думы: а вдруг следующий срок — мой? И страх отступает. Пространство полнится воздухом.

Постороннего не было видно. Быть может, он покинул предел навсегда, застыв на крыльце с дымящейся лучиной, или в ярости взывал к высшим ведомствам. Отныне сие не имело веса. Мы одержали верх. Не над ним и не над испуганной вестницей с её амбарными весами страха. Мы пере-

сидели само время. Превозмогли безмолвие, изнуряющую немощь и подспудный трепет. Дождались изумрудного знамения, а это в земных реалиях уже есть победа.

Я воззрел на мать с отроком. Младенец спал, склонив главу к её плечу. Она мерно касалась его вихра и заворожённо созерцала зелёный диод. Лик её более не казался измученным — он обрёл умиротворение и покой. Женщина ведала: исход близок. Мария Николаевна внемлет ей, примет бремя её забот, и всё обязательно устроится. Взглянул на старца — тот вновь гипнотизировал стену, но в чертах его проступила суровая вековая решимость. Он высидит. Он всегда выдерживает натиск, удерживая незыблемую рамку порядка. Дева отложила терминал и впервые за вечер явила едва заметное движение уст — подобие улыбки самым уголком губ.

В эти минуты я внезапно постиг суть нашего малого действа. Без площадных криков, без базарной брани. С вежливой, монолитной стеной молчания. Со служительницей-наблюдателем, застывшей со своим орудием, с управителями и Посторонним, коий так и не сумел постичь здешних негласных канонов. Все мы — страждущие, уставшие, но живые люди. Мы пребывали в этом замкнутом коридоре, точно в общей ладье. И пусть ход её медленен и исполнен скрипа, но она движется по невидимому руслу.

Глава 8. Явление Судьбы

И вдруг воцарилось безмолвие. Не привычное наше, казённое затишье, а иное — плотное, звенящее, предвещающее разлом земной тверди. Сперва разум мой не разобрал природы сего явления, но затем слух уловил нарастающий топот множества ног в дальнем конце галереи. Среди общего гула выделялся чёткий, тяжёлый стук каблуков. Они били по мраморным плитам, подобно маятнику монументальных напольных часов: тик — так, тик — так. То были не часы, но нечто куда более весомое. Неумолимое.

Все замерли. Служительница чистоты испуганно припала спиной к стене, старец сильнее сжал костлявыми перстами верный посох, дева выпрямилась, точно пред выходом на подмостки, а мать крепче прижала к груди спящее дитя. Я осознал: тихий поток наш перестал быть просто очередью. Сейчас сюда ворвётся сила, которая либо объяснит всё, либо окончательно запутает логические цепи бытия.

Из-за поворота показались первые фигуры. Людское множество. Кто-то в белых одеяниях, кто-то в строгом убранстве проверяющих мужей. Они шествовали быстро, выдерживая дистанцию. Впереди ступала женщина — высокая, с идеальной осанкой, облачённая в тёмные ткани. Каблуки её разили дорогой мрамор, подобно молотам: тик — так, тик — так.

Наш поток прибывшая комиссия не удостоила даже ми-

молётного взора — её взгляд был жёстко зафиксирован на запертом створе Марии Николаевны. Я понял: то был не просто ведомственный визит. То было явление судьбы. Великая махина управления приближалась, дабы поставить окончательную точку.

Глава 9. Капитуляция махины

Старец, прошедший за свой век немало суровых битв, признал в прибывшей военачальника наивысшего ранга. Вопреки сокрушённой анатомии, недугу ног и крайней худобе, дед внезапно подобрался, выпрямил хребет и вскинул подбородок. Взоры его за толстыми стёклами вспыхнули огнём старого воина, уловившего отдалённый гул орудий. Казалось, ещё мгновение — и он восстанет, дабы отдать честь по уставу ратного дела. Однако старец смолчал, лишь верный посох едва заметно дрогнул в его костлявой деснице.

Дева, наша приходская аристократка, напротив, мгновенно утратила величие. Только что она восседала царицей — хребет струной, подбородок выше линии горизонта. А тут вдруг сгорбилась. Сие минутное падение плеч сказало более любых свитков вестей. Она безмолвно признала, что её собственное благородство — сугубо местечкового удела, а вошедшая женщина повелевает по праву природы. Дева уставилась в терминал, но персты её замерли, тусклый луч экрана застыл, а лик свидетельствовал: прихожанка вся обратилась в слух.

Мать приоткрыла очи, и впервые за вечер в её пустом взоре проступило нечто живое — слабый, отстранённый интерес человека, узревшего в земной жизни всё, но обрётшего любопытство даже в этих стенах. Отрок притих, теснее

прижавшись к материнскому одеянию, инстинктивно почуяв, что ныне надлежит прекратить всякие движения.

Посторонний же застыл поодаль у каменной тверди. Лик его преобразился: багровый гнев уступил место полному смятению. В сознании его шла отчаянная борьба алгоритмов. Кинется ли он навстречу военачальнику? Станет ли взахлёб изрекать жалобы на многочасовое бдение и несовершенство систем? Нет, не кинулся — нечто упрямо удерживало его в тени. То был страх, изнуряющая немощь или внезапное постижение сути: вошедшая женщина не была той, кому изливают бытовую суету. Она сама определяла, кого слушать, а кого предать забвению.

Вестницы администрации неличествовало вовсе. Она испарилась, словно её и не водилось в природе. Легко представлялась её обитель в дежурной кабинке под столом, среди архивных хартий, где она дышала через раз, испуганно глядя в щель. Дева ведала: если начнётся взыскание, первой падет её пятнистая глава.

Мы застыли, точно фигуры на доске в режиме буфера ожидания. Движение совершала лишь она. Женщина на высоких каблуках медленно развернула главу, обводя нас взором — не с высокомерием чина, но оценивающе, как хозяйка, зашедшая проверить порядок в своём чертоге. Воцарилось абсолютное безмолвие. Где-то в глубине галереи служительница чистоты тихо опустила сосуд с водой, и звук этот в пустом пространстве прогрохотал подобно выстрелу. Я пре-

бывал на своей опоре с думой: «Близится финал сего действа. И финал этот пребудет беззвучным».

Однако узор реальности подчинился иным канонам. Женщина приблизилась к створу кабинета не как грозный управитель, а боком, почти виновато. Каблуки её более не разили мрамор, но мягко цокали, словно она сама устрашилась произведённого шума. Свита в белых одеяниях и строгих костюмах осталась стоять поодаль, напоминая забытое убранство. Прибывшая подняла длань и бережно, одними костяшками перстов, трижды коснулась заслона: тук — тук — тук. Негромко — так стучат в чертог к мудрому учителю, чьё драгоценное время боятся отнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.